

Споры о трибунах сырых казематов

М. С. Белоусов

Для цитирования: Белоусов М. С. Споры о трибунах сырых казематов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1158–1171.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.320>

Представленная статья посвящена недавно вышедшей монографии по истории движения декабристов — работе Н. Д. Потаповой «Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов». Рассматриваются рецензии на книгу, появившиеся отклики. Анализируются оценки монографии, данные известными современными историками О. В. Эдельман, Я. А. Гординым и П. В. Ильиным. Подробно разбирается характер и причины сделанных ими замечаний. Отмечается, что в целом книга получила крайне отрицательную прессу со стороны профессионального сообщества, причем как специалистов по декабристской тематике, так и исследователей других сюжетов. Это во многом связано с нигилистской по отношению к тайному обществу концепцией автора монографии, а именно отрицанием существования формализованной структуры в виде политических организаций в рамках движения декабристов. Данный тезис рассматривается в рецензии историографически: продемонстрировано, что глубокий скепсис по отношению к достоверности результатов следствия высказывают многие современные историки. Отсюда следует, что идеи Н. Д. Потаповой в целом находятся в русле тенденций постсоветской историографии, а своими корнями уходят к наблюдениям дореволюционных и/или раннесоветских историков П. Е. Щеголева и А. Е. Преснякова. Анализируются риторические приемы и особенности использования автором монографии современных методологических приемов и концепций. Указано, что привлечение широкого перечня иностранной прессы для интерпретации материалов следствия и в целом доминировавшего в период восстания и следствия дискурса значительно расширяет и обогащает представления по изучаемой проблематике. Отмечается, что к наиболее удачным фрагментам монографии можно отнести наблюдения, касающиеся формирования мировоззрения великого князя Николая Павловича как одного из представителей поколения, к которому относились и декабристы. Подчеркивается, что несмотря на ряд неточностей и «натяжек» подход, избранный автором монографии, является существенным достижением в изучении декабристской проблематики.

Ключевые слова: декабристы, движение декабристов, петербургское восстание, междуцарствие, следствие над декабристами.

Михаил Сергеевич Белоусов — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.belousov@spbu.ru

Mikhail S. Belousov — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.belousov@spbu.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук № МК-5578.2018.6 «Движение декабристов: от историографии к исторической памяти».

This research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for the young PhDs no. МК-5578.2018.6 “The movement of the Decembrists: from historiography to historical memory”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

Disputes about *Speaking from their Cells*

M. S. Belousov

For citation: Belousov M. S. Disputes about *Speaking from their Cells*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 3, pp. 1158–1171. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.320> (In Russian)

The presented article is devoted to a recently published monograph on the history of the Decembrists' revolt — the work by N. D. Potapova “Speaking from their Cells: Discourse and Political Strategies of the Decembrists”. Reviews of the book and responses are considered. The assessment of the monograph given by famous modern historians O. V. Edelman, Ya. A. Gordin and P. V. Il'in is analyzed. It is noted that, in general, the book received an extremely negative press from the professional community. This is largely due to the concept of the author of the monograph nihilist in relation to the secret society, namely, the denial of the existence of a formalized structure in the form of political organizations within the framework of the Decembrist revolt. The article also examines rhetorical techniques and features of modern methodological techniques and concepts used by the author of the monograph. It is indicated that the references to a wide range of foreign press to interpret the materials of the investigation and the discourse that was generally prevalent during the period of the uprising and the investigation significantly extends and enriches views on the subject matter. It is noted that the most successful parts of the monograph include observations relating to the formation of the outlook of Grand Duke Nikolai Pavlovich as one of the representatives of the generation to which the Decembrists belonged. It is emphasized that, despite a number of inaccuracies and far-fetched fragments, the approach chosen by the author of the monograph is a significant achievement in the study of Decembrist problems.

Keywords: Decembrists, Decembrists revolt, St. Petersburg revolt, interregnum, investigation of the Decembrists.

В апреле 2017 г. появилась новая монография по декабристской тематике — работа Н. Д. Потаповой «Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов»¹. Книга вызвала необычайный ажиотаж в профессиональной среде. Вскоре после выхода она была выдвинута на соискании Премии Егора Гайдара. Но при этом (мой критик заметит, что я напрасно ставлю здесь «но») вызвала каскад критических рецензий и в целом была крайне прохладно встречена в историческом сообществе. Немало копий было сломано в ходе неформального обсуждения монографии: как специалисты по движению декабристов², так и исследователи другой тематики выступили с осуждением работы³.

В июне 2018 г. появилась критическая рецензия О. В. Эдельман с тенденциозным названием «Ооооо, декабристы!! Оо, казематы!!!»⁴. Приговор, вынесенный рецензентом, крайне суров: «...этот текст не имеет отношения к научному исследова-

¹ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017.

² Страница Сергея Эрлиха на Facebook. URL: <https://www.facebook.com/serguey.ehrlich/posts/2025143607505781> (дата обращения: 09.02.2019).

³ Страница А. В. Петрова на Facebook. URL: <https://www.facebook.com/a.v.petrov.spb/posts/1936917959725849> (дата обращения: 09.02.2019).

⁴ Эдельман О. Ооооо, декабристы!! Оо, казематы!!! // Regnum. 2018. 8 июня. URL: <https://regnum.ru/news/2428420.html> (дата обращения: 09.02.2019).

нию, представляя собой образчик недобросовестной околонучной манипуляции». Собственно, весь текст отзыва подводит читателя к этому выводу. О. В. Эдельман выдвигает ряд упреков. Первый: Н. Д. Потапова отрицает «существование декабристских тайных обществ и движения декабристов как такового, а соответственно, и какую-либо ценность историографического наследия советского времени». Уже сама по себе постановка вопроса говорит не в пользу рецензента, т. е. подразумевается, что априори работы советского периода — это научные исследования, а монография Н. Д. Потаповой — околонучная манипуляция. Формализация в виде революционной организации общественной деятельности представляет историографическую ценность, отрицание — не представляет.

Противопоставление, предложенное О. В. Эдельман, явно искусственно. К историографии следует относиться критически: как к современным, так и классическим работам. Сам по себе жанр творчества историка подразумевает, что дух времени так или иначе отражается в создаваемых произведениях. В 1920–1930-е гг. победоносное шествие марксистской методологии приводит к явным историографическим курьезам. Н. М. Дружинин совершенно серьезно пишет о «мелкобуржуазной» идеологии П. И. Пестеля⁵ и о стремлении Н. М. Муравьева «обеспечить государственную власть за представителями класса буржуазии»⁶. Почему же глубокоуважаемая О. В. Эдельман не называет труды крупного советского академика халтурой? Или рассуждения М. В. Нечкиной⁷ о причинах Московского заговора — риторической манипуляцией? Или ее набор аргументов о революционности Союза благоденствия — великолепным образцом логических выкрутасов? А ее репрезентацию событий междуцарствия как первой попытки буржуазно-демократической революции — антинаучной фальсификацией?

Можно и дальше приводить примеры. Многое из написанного тогда сейчас воспринимается с очень большим сомнением, но тем не менее все равно определяется как «научное произведение». Тем не менее по данному поводу О. В. Эдельман высказывается весьма обтекаемо: «...принятый в советской историографии подход к этому явлению нуждается в определенной корректировке». Конечно, можно согласиться с О. В. Эдельман, что декабриствоведение остро нуждается в качественных историографических работах. Задача продемонстрировать в монографическом исследовании, как конструировался образ декабристов, не просто назрела, а перезрела. Тем не менее мы видим, что рецензент упрекает автора в нерешенности задачи, которую автор и не ставила.

Кроме того, О. В. Эдельман обвиняет Н. Д. Потапову в гипертрофированном использовании «научнообразной терминологии». Ей категорически не нравятся такие термины, как «модальность», «акторы», «объективация», «формирования солидарностей» и т. д. А далее рецензент чистосердечно признается: «...лично я, написав книгу о следствии над декабристами и источниковедческих особенностях следственных материалов, могу поклясться, что к “дискурсивному анализу” не прибегала и даже обязуюсь не прибегать и впредь». После этого какие-либо комментарии излишни. Понятно, почему О. В. Эдельман режет слух терминология, связан-

⁵ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX веке: Избранные труды. М., 1985. С. 89.

⁶ Там же. С. 196.

⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов: в 2 т. М., 1955.

ная с методологией дискурс-анализа. Рецензент просто не читала всех этих книг и встретить привычный набор терминов в декабристском тексте для нее оказывается крайне непривычно. Тут можно только сослаться на реплику американского историка Г. Иггерса, который в книге 1997 г. отмечал, что последователи М. Фуко создают «высокоспециализированные публикации, часто написанные на жаргоне, непонятном для аутсайдеров»⁸. В масштабах мировой историографии здесь сложно поспорить, но российская историография все еще существует по старообрядческим канонам раннего советского марксизма. Современный научный язык до нее еще просто не добрался.

Но есть в рецензии О. В. Эдельман и положительные оценки. Так, рецензент признает факт значительного расширения круга источников за счет привлечения зарубежной прессы. Но тут же начинает объяснять, как эти самые газеты нужно использовать — «вписать их очевидным образом в повестку дня соответствующих государств — Великобритании, германских королевств и княжеств», т. е. дать еще одну книгу с рабочим названием «такое-то событие русской истории в освещении иностранной прессы». И прессу нужно было использовать, просто чтобы собрать все отклики из-за рубежа. Какая в подобной работе ценность? Правильно — никто не посягает на святое доминирование описательных приемов в истории и культ архивных компиляций. Объективности ради отметим, что несколько раз О. В. Эдельман удалось подловить автора монографии на использовании не совсем удачных выражений, не исправленных при редактировании (например, «демобилизация» армии). Но в целом все ключевые проблемы монографии рецензент просто проигнорировала. Почему? Ответ содержится выше: из-за методологической некомпетентности.

Спустя два года в тематическом выпуске «Петербургского исторического журнала» вышел подробный разбор монографии от Я. А. Гордина⁹, который также начинается с сомнений в научности работы Н. Д. Потаповой. Почему сомневается? Потому что автор не видит разницы между дворцовым переворотом и восстанием декабристов. Потому что не понимает, что «колонна Панова пробилась» с боями на площадь. И наконец, потому, что в конечном счете «...московские роты, действительно, должны были обеспечить восставшим подход к Сенату на тот случай, если удастся получить военный контроль над столицей, собрать при помощи сенатских курьеров сенаторов и предъявить им — с позиции силы, — манифест»¹⁰. При чтении данных пассажей хочется быстро пролистать текст статьи назад к первой странице и убедиться, что автор этих строк действительно Я. А. Гордин. Получилось — даже на уровне языка — совсем в духе М. В. Нечкиной, и декабристы тут оказались уж очень революционными.

Затем Я. А. Гордин разбирает отдельные фрагменты и высказывания и критикует их с позиции здравого смысла, т. е. использует исключительно контекстуалистский метод доказательств. Такие замечания указывают, что рецензент однозначно прямолинейно воспринимает наблюдения Н. Д. Потаповой по поводу изобретения

---

⁸ Iggers G. G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Middletown, 1997. P. 55.

⁹ Гордин Я. А. Новое декабристоведение — технологии «разрушения мифов» // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 178–194.

¹⁰ Там же. С. 184.

следователями тайного общества. В рамках предложенной парадигмы рассуждений получается, что могли существовать только две возможные модели: 1) тайные общества как прототип партий (с уставами, внутренней дисциплиной, консолидированной программой) или 2) обществ совсем не существовало. Вторую точку зрения принять нельзя — остается доказывать первую.

Заканчивается обзор монографии замечательной фразой, которая демонстрирует абсолютную наивность автора и которую (фразу) необходимо начертать при входе в здания всех российских карательных органов: «При внимательном и объективном рассмотрении материалов следствия приходится признать, что следователи хотели выяснить *правду*»¹¹. В рамках данной работы было бы неправильно отвлекаться в сторону и приводить каскад ссылок на труды М. М. Сафонова, который мастерски показал, как переменчива всегда была позиция Я. А. Гордина, какую сложную эволюцию прошли декабристы под пером писателя. И совсем нет необходимости разбирать другую известную книгу Я. А. Гордина¹². Просто зафиксируем как факт: в годы перестройки в моде были реформаторы и ожидание перемен, сегодня «следователи выясняют правду».

В статье П. В. Ильина монография упоминается без конкретной отсылки¹³. Историк перечисляет «достижения» постсоветского декабристоведения: «... утверждали, что имеющийся “набор” декабристских тайных обществ случаен, а рядом с ними существовали более влиятельные конспиративные масонские союзы, третьи — объявляли, что наряду с декабристскими тайными обществами имел место намного более могущественный заговор армейского генералитета, который и надо изучать, четвертые — что П. И. Пестель был сотрудником правительственной тайной полиции и т. д.»¹⁴ И в этом контексте упоминается интересующая нас монография. Сложно поспорить с П. В. Ильиным: много откровенных перлов создали современные историки. И не менее верно подмечено, что эти историографические курьезы возникали из-за стойкого желания создать новую концепцию и породить научную сенсацию. Но все-таки возразим П. В. Ильину... У работы Н. Д. Потаповой есть одно существенное отличие: она не очередную компиляцию следственных материалов с произвольным надергиванием цитат предложила, а предприняла попытку переосмыслить ключевые проблемы, отказываясь от морально устаревших методологических приемов кондового позитивизма.

Одним словом, названные рецензии носят сугубо критический и отрицательный характер. Их авторы упрекают Н. Д. Потапову в непрофессионализме и... еще в широком перечне грехов. Очевидно, что объединяющим сюжетом протестов против рассматриваемой монографии является проблема статуса тайного общества. Стоит отметить, что впервые идея была сформулирована Н. Д. Потаповой в 2000 г. в кандидатской диссертации¹⁵. Появление данной концепции, с одной стороны, связано с возрождением внимания к ранней советской историографии,

¹¹ Гордин Я. А. Новое декабристоведение... С. 191.

¹² Гордин Я. А. Меж рабством и свободой. 19 января — 25 февраля 1730 г. СПб., 1994.

¹³ Ильин П. В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 156.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Потапова Н. Д. Следствие по делу «декабристов»: деятельность органов расследования и ее результаты: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

прежде всего к трудам П. Е. Щеголева и А. Е. Преснякова¹⁶. С другой, очевидно, — с влиянием В. М. Панеяха и его исследованием академического дела¹⁷. Занимаясь этим сюжетом в семинаре известного историка и одновременно работая над диссертацией по декабристам, сложно было избежать стремления редуцировать тактику советских следователей на приемы николаевских приспешников.

Обращая внимание на указанные факторы, не следует упускать из виду тенденции в историографии декабризма. В 1990-е гг. зародилась и, в общем-то, продолжается до сих пор дискуссия о том, кого именно корректно считать декабристом. В 2000 г. П. В. Ильин и В. А. Пушкина писали о том, что к числу декабристов следует относить всех осужденных, всех включенных в «Алфавит» Боровкова и всех сочувствующих¹⁸. Развивая эту точку зрения, историк подготовил очень ценную монографию о незамеченных следствии участников тайного общества¹⁹. Но подобный подход вызвал возражения у О. И. Киянской: получается, в число декабристов следует включать и доносчиков, и случайных участников, кто точно не может быть определен как деятель тайного общества²⁰. В. М. Бокова предлагала разграничить понятия «декабрист» и «декабризм», указывая, что расширение круга декабристов «...чревато опасностью полного исчезновения из понятия его конкретно-исторического смысла»²¹.

Отстаивая свою точку зрения, П. В. Ильин подчеркивал, что «Алфавит» «...не охватывает всего комплекса информации, выявленной следствием» и что не свободен от неточностей и ошибок²². Появление фундаментальной монографии В. М. Боковой убедило всех, что александровское царствование — это эпоха тайных обществ²³. Обществ было множество — и политических, и не политических... В 2009 г. Т. В. Андреева актуализировала теорию И. С. Аксакова²⁴, правда сделав ряд оговорок о формализации организаций²⁵. В 2010 г. П. В. Ильин уже писал: «...разумеется, невозможно вырывать декабристов из широкого либерального движения, которое имело место в 1810–1820-е гг., отделять непроходимой чертой от общего

¹⁶ *Потанова Н. Д.* Следствие по делу «декабристов». С. 6–8.

¹⁷ *Ананьич Б. В., Панеях В. М.*: 1) «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. 1999. № 2. С. 338–350; 2) Следствие в Москве по «академическому делу» 1929–1931 // Русский исторический журнал. 1999. Т. II, № 3. С. 93.

¹⁸ *Пушкина В. А., Ильин П. В.* Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826). Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Кишинев, 2000. Вып. II. С. 9–77.

¹⁹ *Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.

²⁰ *Киянская О. И.* Кто такие декабристы и за что они боролись? (Неюбилейные заметки о юбилейных конференциях) // Отечественная история. 2001. № 5. С. 208.

²¹ *Бокова В. М.* «Больной скорее жив, чем мертв»: заметки об отечественном декабристоведении 1990-х гг. // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Кишинев; СПб., 2001. Вып. IV. С. 525.

²² *Ильин П. В.* Персональный состав тайных обществ декабристов: проблемы изучения // Отечественная история. 2004. № 6. С. 117–126.

²³ *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX века. М., 2003.

²⁴ *Андреева Т. В.* Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 258.

²⁵ *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 8–9.

круга либерально настроенных людей»²⁶. И в более категоричной форме повторил прежние аргументы, что вердикт суда не может быть единственным критерием отнесения к движению.

Таким образом, сам по себе ход дискуссии разрушил ключевые доминирующие стереотипы о движении декабристов. Историки, критикующие сегодня Н. Д. Потапову, сами нанесли непоправимый удар по стройной схеме эволюции тайных обществ. Было же ведь все четко и понятно: возникла организация, провела учредительный съезд, приняла уставной документ, после этого стала осуществлять свою деятельность (революционную), нацеленную на свержение самодержавия и отмену крепостного права. Постсоветские исследователи засомневались в революционном характере декабристов, в факте существования отдельных рубежных событий (например, совещаний 1820 г.)²⁷ и, самое главное, в том, что «характерной чертой движения декабристов на всех этапах его развития являлось внутреннее его единство» и что «все расхождения в программных и тактических вопросах в их среде были лишь вариантами и оттенками единой в своих основных положениях программы движения»²⁸.

В постсоветской историографии явно усилилось критическое восприятие результатов следствия. О. И. Киянской принадлежит такое высказывание: «Историки в своих штудиях опираются на показания участников заговора, полагая, что в основе своей они правдивы. Это, конечно же, не так. Никому из ученых не придет в голову изучать деятельность, к примеру, Н. И. Бухарина на основании его следственного дела»²⁹. Нигилизм по отношению к результатам следствия не является изобретением Н. Д. Потаповой. Скорее, правильно говорить, что она довела до логического абсолюта в обсуждаемой монографии те идеи, которые многократно высказывались. Ее концепция не возникла на пустом месте, а в целом отражает тенденции современной историографии.

Стоит обратить внимание на особенности доказательства предлагаемой концепции. Источниковедческая критика следственных дел отодвинута в самую последнюю главу. Тем не менее с самых первых строк автор демонстрирует весь масштаб своих сомнений. События 14 декабря Н. Д. Потапова называет «протестом» (например, с. 9). За этим термином скрывается коннотация на события политической жизни современной России. С каждым последующим повторением магия термина подталкивает увидеть в вышедших на Сенатскую площадь не офицеров, а школьников старших классов во главе с несколькими «бывалыми» либералами. Складывается образ не молодых военных, а прекраснодушных молодых людей, не способных к насилию и пришедших заявить со всею своею юношеской наивностью о возмущающих их несправедливостях.

---

²⁶ Ильин П. В. Проблема реконструкции персонального состава тайных обществ декабристов в современной историографии (некоторые спорные вопросы) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Кишинев; СПб., 2010. Вып. VIII. С. 424.

²⁷ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX века. С. 232–254.

²⁸ Захаров Н. С. Петербургские совещание декабристов в 1824 г. // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 84.

²⁹ Киянская О. И. Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 46.

Вскоре протест становится «безмолвным». Эпитет еще более усиливает ощущение тревоги и создает стремление к сопереживанию: безмолвный — сиречь обреченный, сломленный, угнетенный. Но декорацией всего этого действия становится «императорский форум» — таким образом, описываемое действие наделяется чертами античной трагедии. И далее «пушки впервые стреляли в народ» (с. 11) и сразу же «пушки стреляли в толпу». Вышедших на площадь офицеров и солдат Н. Д. Потапова артикулирует как народ и толпу, стремясь создать ощущение столкновения между властью всеобъемлющей и всепоглощающей (чудищем, которое «обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй») и безмолвным и безоружным народом. В ходе допросов «доведенные до отчаяния» «оговаривали себя». И здесь уже читается прямая коннотация на сталинские репрессии и жестокое и несоизмеримое преследование невинных по надуманным статьям. И квинтэссенция: автор обозначает своей целью услышать «голоса», доносящиеся из казематов. И перед нами вырисовывается образ заключенных в глубинах шахт или пучинах морей, кричащих или шепчущих, но никогда не услышанных *lost and forgotten*. Так напряжение достигает апогея...

Н. Д. Потапова, активно используя риторические приемы, подчеркнуто стремится перекодировать восприятие событий. Из-под ее пера выходят не нечкиновские первенцы свободы, такие прото-рахметовы, а задавленные, неуверенные, слабые и сломленные. Автор подменяет образ борцов образом невинной жертвы. На уровне вторичной сигнальной системы автор однозначно представляет нам свою интерпретацию событий: ее протагонисты, так же как и жертвы Большого террора, невиновны (они вышли на мирный и молчаливый протест), их дела сфабрикованы, все обвинения придуманы следователем. Точнее, не придуманы, а навязаны и выбиты путем невероятного и невообразимого насилия. И этот характер репрезентации поддерживается на протяжении всей монографии. И подталкивает даже неуступчивого читателя поверить версии автора.

Манера изложения отличается использованием самых разнообразных риторических приемов. Стремясь сломить границы между тайным обществом и остальным миром, автор прибегает к любопытной антиупотии: «...в 1825 г. по улицам Петербурга ходили либералы и охранители, их было нетрудно различить в толпе: как масоны, они могли узнавать друг друга по тайным знакам и секретным жестам, кодовым словам и ключевым фразам...»³⁰ Заканчивается этот пассаж не менее ярко: «В таком мире, в общем, заранее ясно, кто выйдет на Сенатскую площадь, а кто напишет донос, и лишь случайное стечение обстоятельств может помешать одному человеку сделать свое доброе, а другому — его черное дело... И кажется, остается только восстанавливать полноту картины, выискивать не попавших в доносы либералов, считать, как чертей на конце иглы, последних и предпоследних, и снова последних декабристов...»³¹

Здесь мы видим явный намек на исследования П. В. Ильина, занимающегося конкретно изучением проблемы незамеченных следствием участников тайного общества, а глобально представлена обличительная критика механицизма, собственного всем работам о декабристах. Сама по себе постановка вопроса, что мир не делится на черное и белое, а значит, политических персонажей 1825 г. нельзя раз-

³⁰ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. С. 38.

³¹ Там же.

делить на декабристов и охранителей, стремится закрыть вопрос о существовании тайных обществ. Читатель остается перед сложным выбором: признать абсурдное (мир делится на черное и белое) и продолжить верить в существование тайного общества или, наконец-то, отказаться от этой идеи.

Ключевой тезис, к которому автор подводит нас на протяжении всей книги, раскрывается в последнем разделе. Следователи принуждали декабристов оговаривать себя, очень часто устные допросы записывались неверно, в результате чего многие арестованные жаловались. Автор приводит примеры, которые должны убедить читателя в универсальности этой парадигмы. Применительно к отдельным эпизодам можно признать правоту Н. Д. Потаповой. Но ее тезис не может претендовать на бесспорное согласие. Самое парадоксальное, что этот сюжет (вопрос о существовании или фальсификации тайных обществ) является глубоко вторичным моментом для предложенной Н. Д. Потаповой конкретно в рассматриваемой монографии концепции. Критики автора продемонстрировали редкую зашоренность, продолжая фокусировать внимание исключительно на одном, достаточно давно сформулированном тезисе.

Рецензируемая книга отличается от диссертации следующим несомненным достоинством. Для ее создания Н. Д. Потапова привлекла богатейший материал иностранной прессы, в таком объеме впервые вводимый в научный оборот. И ключевой тезис данной монографии, который, по нашему мнению, прежде всего следует обсуждать, можно сформулировать так: материалы следственного дела могут быть поняты только в контексте содержания европейской прессы. Если взять еще шире: российское общественное мнение начала XIX в. следует изучать исключительно учитывая весь европейский бэкграунд происходящих событий. И здесь следует отметить, что именно так происходило в дореволюционной и ранней советской историографии.

А. Н. Пыпин синхронно рассматривал влияние европейского фактора и развития тайного общества³². В. И. Семевский стремился обнаружить основные источники уставных и конституционных проектов³³. А. Н. Шебунин напрямую связывал влияние французской публицистики и оформление различных течений в идеологии декабризма³⁴. Е. В. Тарле усматривал влияние испанских революций на планы декабристов³⁵. И что любопытно, даже в ранних работах М. В. Нечкиной четко прослеживается эта тенденция³⁶. Затем наступает эпоха «антинорманизма» в историографии движения декабристов: оно признается возникшим на российской почве, под влиянием российских условий и, конечно же, с российской спецификой. Русификация декабризма привела к трагическим последствиям. Важнейшая страница мировой интеллектуальной истории превратилась в предмет для краеведческих штудий. На смену исследователю-эрудиту пришел узкопрофильный специалист. И в этом контексте стремление Н. Д. Потаповой вернуть изучение движения декабристов в лоно всеобщей истории вызывает огромную симпатию.

³² Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885.

³³ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

³⁴ Шебунин А. Н. Декабристы // ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 73.

³⁵ Тарле Е. В. Военная революция на Западе Европы и декабристы // Тарле Е. В. Соч. в 12 т. Т. 5. М., 1957. С. 12.

³⁶ Нечкина М. В. Революция наподобие испанской (О тактике Южного общества декабристов) // Каторга и ссылка. М., 1931. № 10 (83). С. 3–40.

Уже в первой главе приводится характер обсуждения в английской и французской прессе восточного вопроса — перспективы войны в Греции. Здесь же мнения о надвигающемся финансовом кризисе. Эти сюжеты напрямую пересекались с проблемой существования военных поселений. Важны были и такие ключевые моменты развития либерализма, как вопрос о свободе печати. Автор мастерски показывает, как совершенно серьезно звучали и такие парадоксальные мнения, что цензура и есть главный залог свободы. Указанные дискуссии дают возможность реконструировать, с помощью какого категориального аппарата люди 1820-х гг. воспринимали окружающий мир, где черпали поведенческие паттерны, что воспринимали как альтернативный взгляд. Именно вопрос о войне, финансовый кризис и неопределенность с развитием династической ситуации Н. Д. Потапова определяет как ключевые факторы напряжения, приведшего к выступлению. Именно по данным линиям, согласно автору, шел процесс формирования солидарностей, условного деления на «мы» и «не-мы».

Здесь можно высказать лишь одно возражение. Материалы прессы Н. Д. Потапова распределила на несколько глав. В первую поместив только сюжеты, активно обсуждавшиеся в публикациях 1825 г. Представляется, что тем самым автор сужает модель дискуссионного поля. Накануне событий междоусобия не менее актуальными были и вопросы о Польше, и о европейских революциях, рефлексия наполеоновской эпохи. Ряд этих сюжетов Н. Д. Потапова помещает в главу «модели рационализации событий». Методически подобный шаг кажется оправданным: получается четкая структура глав. Методологически — не совсем: вряд ли возможно однозначно детерминировать причины восстания и свести их исключительно к проблеме возможной войны и финансовому кризису.

Нужно отдельно сказать, что еще во введении автор монографии указывает, что методологической основой исследования станет теория дискурса-анализа Э. Лакло. Автор стремится использовать данные приемы при анализе материалов прессы, пытаясь выстроить нормативное восприятие отдельных событий. Тем не менее очень часто получается слишком статичная картина. При рассмотрении сюжета за сюжетом у Н. Д. Потаповой выходит примерно так: европейская пресса артикулирует, российское общество воспринимает. И все. Точка. В монографии мы практически не находим примеров, как под влиянием прессы происходило изменение значения того или иного понятия. Достаточно просто привести пример. Совсем недавно автор этих строк, перелистывая замечательную статью В. Г. Бортневского, обратил внимание, что А. С. Пушкин в стихотворении лета 1821 г. П. С. Пущина называет «грядущий наш Квирига»³⁷, т. е. получается, что в 1821 г. лидер военной революции — это Кирога, к 1825 г. — ключевым протагонистом испанских событий уже стал Рафаэль Риго. Как происходило изменение представлений о важнейшем для современников эпизоде? Как конкретные артикуляции влияли на восприятие? На эти вопросы Н. Д. Потапова не отвечает.

Объективности ради следует отметить, что к концепции Э. Лакло Н. Д. Потапова относится даже более трепетно, чем советские историки 1920–1930-х гг. к экономическому детерминизму. Каждое упоминание фамилии славного аргентинского политолога сопровождается небольшой теоретической выдержкой, а затем

³⁷ Бортневский В. Г. Декабрист П. С. Пущин и его дневник // Дневник Павла Пущина. 1812–1814. Л., 1984. С. 10.

стремлением четко применить теорию на практике. Например: «...согласно теории Э. Лакло, антагонизм связан с отчуждением и утратой смысла своего существования из-за столкновения с чужим, непонятым, тем, что одновременно невозможно принять»³⁸. Одним словом, антагонизм — «чувство потерянности». И далее идет длительное рассуждение, что стало бóльшим актом отчуждения — выход на площадь или стрельба по вышедшим. И конечно же, у обеих сторон в этот момент проявилось чувство растерянности от происходящего. Таким образом, с этим эпизодом у Н. Д. Потаповой получилось примерно то же самое, что у Б. Д. Грекова с феодализмом. Если он есть, значит, должны быть крупные земельные владения. А что делать, если их обнаружить не удастся? Их можно представить!³⁹

К успехам автора монографии можно отнести зарисовки о формировании великого князя Николая Павловича. В новейшем и наиболее фундаментальном исследовании известная поездка в Великобританию представлена как ознакомительная экскурсия, приятная череда встреч и знакомств⁴⁰. Н. Д. Потапова более подробно рассматривает данный сюжет. Здесь, в Англии, Николай впервые увидел митинг, впервые увидел, как армия стреляет в народ и как пресса приписывает возмущение деятельности тайного общества⁴¹. Именно в этом автор усматривает будущий сценарий действий нового российского монарха в период подавления восстания и следствия. Реализация английского паттерна — и не более того — события декабря 1825 — июля 1826 г.

Стоит отметить, что в историографии достаточно подробно изучены особенности идеологии декабристов, а именно факторов ее возникновения — философия Просвещения, Заграничный поход, европейская периодика посленаполеоновской эпохи, революции и политические кризисы начала 1820-х гг. Однако невозможно отрицать, что все названные явления были не менее знакомы и понятны политическим оппонентам восставших. Те или иные явления вызывали близкие ассоциации и коннотации как у восставших, так и у тех, кто подавлял восстание. И те и другие принадлежали к одному поколению, находились в рамках одного информационного поля распространения идей. При этом сюжет о том, как воспринимал великий князь Николай Павлович события 14 декабря в контексте предшествующего бэкграунда, практически ранее не был исследован.

Именно в отмеченном эпизоде скрывается весь «блеск и нищета» рецензируемой монографии. Н. Д. Потапова анализирует огромный массив английской прессы и утверждает, что декабристы были с ней знакомы и на ее основе воспринимали окружающие их события политического кризиса. О. В. Эдельман указывает, что ничтожная доля декабристов знала английский⁴². Конструкция рушится. Зачем Н. Д. Потаповой понадобились декабристы? Николай Павлович знал английский язык, он и его окружение тщательно отслеживали движение европейского общественного мнения. Н. Д. Потапова обработала материал, который дает возможность реконструировать, как воспринимал Николай Павлович происходящее, какими ка-

³⁸ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов... С. 165.

³⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 144–145.

⁴⁰ Высокочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 48–52.

⁴¹ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов... С. 228–233.

⁴² Эдельман О. Ооооо, декабристы!! Оо, казематы!!!

тегориями мыслил, откуда в его речи такое огромное количество парафраз к иностранной прессе и литературе. Ни одному исследователю еще не удалось ответить на эти вопросы. Причем и контекстной информации, и материалов личного происхождения более чем достаточно для того, чтобы решить данную сложнейшую задачу. Но Н. Д. Потапова предпочла сохранить верность «трибунам сырых казематов». А значит, сделать ряд оговорок и допущений: мол-де и в казематах могли знакомиться с прессой, и в Сибири продолжали следить...

Рассмотрим противоположный аспект. Н. Д. Потапова показывает, что в Европе и России на рубеже веков начинается активное распространение антииллюминатской и антимасонской литературы. Происходит формирование мифологемы «все-европейского заговора». И Н. Д. Потапова, и ряд современных историков сходятся во мнении, что распространение этой литературы оказало существенно влияние на власть⁴³. Но Н. Д. Потапова идет дальше и утверждает, что именно эта литература стала паттерном для конструирования обвинения против декабристов. Получается довольно забавная картина: хорошая литература (про свободу и права человека) влияет только на хороших ребят (участников протеста), а «параноидальная»⁴⁴ — исключительно на представителей власти.

Не приходится сомневаться, что работы аббата О. Баррюэля, которые «приобрели всеевропейское признание и были немедленно переведены на английский и немецкий, а впоследствии и на большинство других европейских языков»⁴⁵, во многом определяли доминирующий дискурс. И самый яркий пример — это собственноручное показание С. П. Трубецкого о возникновении декабристских обществ⁴⁶. Н. Д. Потапова приводит это показание и утверждает, что так С. П. Трубецкой возражал своим следователям — носителям мифологемы о «всеевропейском заговоре»⁴⁷, т. е. в этом случае мы видим, насколько близко автор монографии подошла к действительно важной, но нерешенной проблеме: вопросу о влиянии антимасонской литературы на декабристов. Еще один шаг (даже шагжок) — и получится очень любопытный вывод, что «охранительные брошюры и печать сформировали тип русского революционера»⁴⁸. Но, озвучив этот тезис, Н. Д. Потапова в следующих предложениях от него сразу же отказалась.

Подведем итоги. Перед нами достаточно интересная и крайне неоднозначная монография. И книга, и автор были подвергнуты несправедливой критике. Причина банальна: если специалист по декабризму безапелляционно соглашается с выводами автора, значит, девальвирует все написанное им, все рассуждения о тайных обществах, о программных документах, векторах изучения и т. д. Необходимо отличаться смелостью и широтой взглядов, чтобы допустить, что точка зрения Н. Д. Потаповой имеет право на существование. Тем более что позиция у нее до-

---

⁴³ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение. С. 500; Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII первой трети XIX века. М., 2004. С. 204–205.

⁴⁴ Поставим сюда термин Пайпса. См.: *Pipes D. Conspiracy: How the Paranoid style flourishes and where it come from.* New York, 1997

⁴⁵ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 204.

⁴⁶ Дело князя С. П. Трубецкого // Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 23

⁴⁷ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов... С. 356.

⁴⁸ Там же. С. 332.

статочно противоречивая. Признание ее концепции подразумевает увлеченность идеями М. Фуко, уверенное владение методологией постмодерна, стремление отказать от стереотипов. Все это не так просто. И, к сожалению, не про наше историческое сообщество. Тем не менее еще раз подчеркнем, перед нами авторское достаточно фундированное произведение. Оно вызывает много вопросов и возбуждает дискуссии — именно в этом и скрывается соль, цель и смысл любого научного исследования.

References

- Anan'ich B.V., Paneiakh V.M. "Academic Affairs" as a Historical Source. *Istoricheskie zapiski*. 1999, no. 2, pp. 338–350. (In Russian)
- Anan'ich B.V., Paneiakh V.M. Investigation in Moscow on the "Academic Case" 1929–1931. *Russkii istoricheskii zhurnal*. 1999, vol. II, no. 3, pp. 93–113. (In Russian)
- Andreeva T. V. *Power, Society and Reforms in Russia in the 19th — Early 20th Century: Research, Historiography, Source Study*. St. Petersburg, Nestor-istoriia, 2009, 396 p. (In Russian)
- Andreeva T. V. *Secret Societies in Russia in the First Third of the XIX Century: Government Policy and Public Opinion*. St. Petersburg, Liki Rossii, 2009, 653 p. (In Russian)
- Bokova V.M. "The Patient is more Likely Alive Than Dead": Notes on Russian Decembrist Studies of the 1990s. *14 dekabria 1825 goda. Istochniki. Issledovaniia. Istoriofagiia. Bibliografiia*. Kishinev; St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2001, iss. IV, pp. 497–461. (In Russian)
- Bokova V.M. *The Epoch of Secret Societies: Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century*. Moscow, Reali-Press, 2003, 656 p. (In Russian)
- Bortnevskii V.G. Decembrist P.S. Pushchin and his Diary. *Dnevnik Pavla Pushchina. 1812–1814*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984, pp. 5–25. (In Russian)
- Gordin Ya. A. New Decembrist studies — the Technology of "Destroying Myths". *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2019, no. 2, pp. 178–194. (In Russian)
- Gordin Ya. A. *Between Slavery and Freedom. January 19 — February 25, 1730*. St. Petersburg, Lenizdat, 1994, 378 p. (In Russian)
- Grekov B.D. *Kievan Rus*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1953, 596 p. (In Russian)
- Druzhinin N.M. Decembrist Nikita Muravyov. *Druzhinin N.M. Revoliutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX veke: Izbrannye trudy*. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 5–304. (In Russian)
- Iggers G.G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Middletown, Wesleyan University Press, 1997, 182 p.
- Il'in P.V. Decembrist Scientific Tradition: Actual Problems of Study in the Past and the Present. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2019, no. 2, pp. 146–156. (In Russian)
- Il'in P.V. *New about Decembrists. Forgiven, Justified and Undetected by the Investigation Participants of Secret Societies and Military Actions of 1825–1826*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia, 2004, 664 p. (In Russian)
- Il'in P.V. The Personal Composition of Secret Societies of the Decembrists: Problems of Studying. *Otechestvennaia istoriia*, 2004, no. 6, pp. 117–126. (In Russian)
- Il'in P.V. The Problem of Reconstruction of the Personal Composition of the Secret Societies of the Decembrists in Modern Historiography (Some Controversial Issues). *14 dekabria 1825 goda. Istochniki. Issledovaniia. Istoriofagiia. Bibliografiia*. Kishinev. St. Petersburg, 2010, iss. VIII, pp. 418–457. (In Russian)
- Kiianskaia O.I. Decembrists in Russian History and Historiography: Polemical Notes. *Rossia i sovremnyi mir*, 2017, no. 2 (95), pp. 42–56. (In Russian)
- Kiianskaia O.I. Who are the Decembrists and what Did They Fight for? (Non-Jubilee Notes on Jubilee Conferences). *Otechestvennaia istoriia*, 2001, no. 5, pp. 207–212. (In Russian)
- Nechkina M. V. *The Decembrist Movement: in 2 vols*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1955, vol. 1. 481 p.; vol. 2. 505 p. (In Russian)
- Nechkina M. V. Revolution like the Spanish (On the Tactics of the Southern Society of the Decembrists). *Katorga i ssylka*. Moscow, Tipografiia Profizdata, 1931, no. 10 (83), pp. 3–40. (In Russian)
- Pipes D. *Conspiracy: How the Paranoid style flourishes and where it come from*. New York, The Free Press, 1997, 258 p.

- Potapova N. D. *Investigation into the Case of "Decembrists": the Activities of the Investigating Authorities and its Results*. St. Petersburg, 2000, 181 p. (In Russian)
- Potapova N. D. *Speaking from their Cells: Discourse and Political Strategies of the Decembrists*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017, 416 p. (In Russian)
- Pushkina V. A., Il'in P. V. The Personal Composition of Decembrist Secret Societies (1816–1826). Reference Index. *14 dekabria 1825 goda. Istochniki. Issledovaniia. Istoriofrafia. Bibliografia*. Kishinev, Nestor-Istoriia, 2000, iss. II, pp. 9–77. (In Russian)
- Pyпин A. N. *The Public Movement in Russia under Alexander I*. St. Petersburg, Tipografiiа M. M. Stasiulevicha, 1885, 543 p. (In Russian)
- Semevskii V. I. *Political and Social Ideas of the Decembrists*. St. Petersburg, Printing house 1 of the St. Petersburg labor artel, 1909, 694 p.
- Tarle E. V. The Military Revolution in the West of Europe and the Decembrists. *Tarle E. V. Soch. v 12 t.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957–1962, vol. 5, 1958, pp. 7–21. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Nicholas I and his era. Sketches of Russian History of the Second Quarter of the 19th Century*. Moscow, Akademicheskii proekt, 2018, 999 p. (In Russian)
- Zakharov N. S. Petersburg Meeting of the Decembrists in 1824. *Ocherki iz istorii dvizheniia dekabristov*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1954, pp. 84–120. (In Russian)
- Zorin A. *Feeding a two-headed eagle... Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th and the First Third of the 19th Century*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 416 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2019 г.

Рекомендована в печать 10 июня 2019 г.

Received: February 9, 2019

Accepted: June 10, 2019